

М. Ю. Илюшина

«БОЖЕСТВЕННЫЕ КАСЫДЫ...» СУЛТАНА АЛЬ-ГУРИ

В Копенгагене, в датской Королевской библиотеке хранится рукописный сборник стихов предпоследнего правителя мамлюкской державы султана Кансуха аль-Гури (1501–1516), хотя, если следовать полностью огласованному тексту рукописи, султана следовало бы назвать Кансух аль-Гаури, поскольку первая буква в нисбе имеет четко проставленную фатху (краткий гласный *a*). Также огласовано это имя в сборнике стихов *аль-Гаури* под названием «Божественные касыды...» (القصيد الربانية والموشحات السلطانية الغورية), который был записан по повелению самого султана одним из его мамлюков и хранится в Институте Рукописей в Каире [103, 1. ص.] (текст тридцати шести из сорока двух стихотворений датской рукописи почти полностью совпадает с текстом «Божественных касыд...»). Огласовка фатхой была обнаружена и в копии «Шахнаме» с посвящением Кансуху *аль-Гаури*, по заказу которого она была изготовлена [2, p. 31–32].

В стихотворении Ибн Ийаса (1448–1524), посвященном вступлению султана на престол, а также в касыде, сопровождающей описание событий лета 1512 г., буква *غ* в имени аль-Гури огласована даммой (краткий гласный *y*) [278, 4. ص. 3, 3]. Трудно предположить, что Ибн Ийас, известный историк, выходец из семьи черкесских мамлюков и современник аль-Гури, не знал, как произносится имя этого правителя. Еще более невероятной представляется ошибка в текстах, написанных для султана по его собственному заказу. Противоречие, как отмечает египетский исследователь Ша'бан Мухаммад Марса, может объясняться стремлением аль-Гури связать свое происхождение с арабской областью аль-Гаур (на территории современных Иордании, Палестины и Израиля) [98, 1. ص.]. Такое стремление вполне согласуется с заявлением аль-Гури о том, что черкесы ведут свой род от гассанидов, т. е. имеют арабские корни [51, 4. ص.]. Возможно, Ибн Ийас, который закончил работу над своей хроникой уже после того, как Египет вошел в состав Османской империи, не счел нужным поддерживать версию арабского происхождения мамлюкского султана. В современной научной литературе употребляются оба варианта написания имени — *аль-Гури* и *аль-Гаури*. В данной статье используется более распространенная в публикациях на русском языке [5–8] форма *аль-Гури*.

Достоверных сведений о происхождении Кансуха аль-Гури, как и большинства мамлюкских эмиров, нет. Его нисбу связывают с казармой аль-Гур в каирской цитадели, где он, возможно, проходил обучение как один из мамлюков Каитбея (1468–1496) [9, p. 20]. Существует гипотеза о том, что будущий султан родился в грузинском городе Гори или его окрестностях, поскольку в казарме аль-Гур размещались преимущественно выходцы из этой области. В Египет аль-Гури был привезен, предположительно, торговцем по имени Бабирди [2, p. 31–32].

Кансух аль-Гури входил в число мамлюков Каитбея, получил освобождение, а вместе с ним коня и ткань на костюм, после этого он стал одним из камердинеров султана — мамлюком *аль-джамдария*¹. Затем его перевели в личную охрану Каитбея. В 1481 г. Кансух аль-Гури при посредничестве своего тезки, эмира Кансуха Хамсми'а,

¹ *Джамдар* — тот, кто отвечает за одеяние султана [54, 10. ص.].

© М. Ю. Илюшина, 2012

был назначен *кашифом* (управляющим) Нижнего Египта. Через три года Кансух аль-Гури получил звание командира десятка и отправился в Алеппо, затем стал наместником Тарсуса, позже снова вернулся в Алеппо [2, ал.ж. 4, 3]. С 1489 г. он занимал там должность начальника дворцовой службы и, по существу, был наместником султана в этом городе, отлично проявив себя при подавлении восстания 1493 г. Следующим его назначением было наместничество в Малатье (Восточная Анатолия) [2, р. 33]. Успешная деятельность в провинциях позволила аль-Гури стать одним из самых влиятельных эмиров султаната, имеющих в своем подчинении не менее тысячи воинов [9, р. 20]. После смерти Каитбея и смещения его наследника ан-Насира Мухаммада (1496–1498) аль-Гури был в числе наиболее вероятных кандидатов на престол. Аз-Захир Кансух (1498–1499/1500) назначил его командиром султанских мамлюков (*ра'с наубат-ан-нуваб*). Аль-Гури вошел в круг доверенных лиц аль-'Адила Туманбея (1501) и занял в его администрации сразу четыре должности: главного *давадара* («хранителя чернильницы», т.е. начальника султанской канцелярии), *везира* (в его ведении находились налоги, а также надзор за расходами султанской кухни), *устадара* (мажордома, советника султана, решавшего важнейшие вопросы управления его резиденцией, которая включала и дворцовые службы, и казармы султанских мамлюков) и главного *кашифа*. Аль-'Адил Туманбей был свергнут 19 апреля 1501 г. Попытки двух других эмиров добиться избрания закончились неудачей и уже на следующий день, 20 апреля 1501 г., Кансух аль-Гури стал султаном [2, р. 33–34; 9, р. 20–21; 5–4, 3]. Ибн Ийас сообщает, что в день своего восшествия на престол аль-Гури не переставал плакать и отказывался принять и титул, и черную султанскую чалму [4, ал.ж. 4, 3]. Это не помешало новому правителю в течение последующих пятнадцати лет твердой рукой удерживать власть в Египте.

В конце XV в. мамлюкский политический режим испытывал серьезные финансовые затруднения. Кансух аль-Гури был вынужден проводить конфискации некоторой части икта' и вакфов, повышать налоги и таможенные пошлины, чтобы наполнять постоянно пустеющую казну. «Непопулярные» меры вызывали недовольство среди военной элиты и гражданского населения [2, р. 34–36; 7, с. 151]. Курс жестких репрессий, принятый новым султаном, казался поначалу менее эффективным, чем обычная практика удаления проявивших недовольство оппозиционеров и потенциальных соперников из столицы: мятежи не прекращались. Под подозрением находился каждый, немногие могли удержаться в администрации более года. Только через пять лет пребывания у власти, когда был раскрыт очередной заговор, аль-Гури почувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы переместить в Цитадель собственную жену, жившую в частной резиденции в Каире [9, р. 21; 80–81, 3].

Вопросы престижа, укрепления авторитета власти были важны для Кансуха аль-Гури не менее, а может быть и более, чем для любого другого мамлюкского султана. Формированию имиджа благочестивого и просвещенного правителя способствовали поддержка религии, деятельность в сфере культуры. Не всегда удачные попытки проведения финансовых реформ, губительные последствия распрей внутри военной элиты должны были затеряться в списке богоугодных дел, поблекнуть в тени величественных мечетей, прекрасных школ и богатых библиотек.

Весной 1503 г. была открыта великолепная *медресе*, возведенная по приказу султана. Праздник по этому случаю продолжался всю ночь. Обилие яств на освещенных яркими фонариками столах поражало присутствовавших не меньше, чем восхититель-

ное убранство здания. В дальнейшем неподалеку от *медресе* аль-Гури построил мавзолей и водоем с фонтаном для питья, а осенью 1503 г. — новую мечеть [59–58, 53–52. ص. 4, 3, 3].

По приказу аль-Гури были основаны постоянный двор и новые укрепления в Акабе, куда прибывали паломники, направляющиеся в Священные города. Осенью 1515 г. архитектор Хайр-бек вместе с группой инженеров, плотников и строителей отправился в Мекку для возведения госпиталя и пристанища для путников, кроме того, им было приказано вымостить Заповедную Мечеть и подвести к городу воду из источника Базан [2, p. 50; 163. ص. 4, 3].

В конце 1506 или самом начале 1507 г. из Сирии в египетскую столицу доставили плодовые деревья, цветущие кустарники и кокосовые пальмы. Они были высажены на площади у Цитадели. Кансух аль-Гури, как сообщает Ибн Ийас, был очень увлечен этим проектом и любил прогуливаться по новому саду. В 1508 г. там устроили пруд и террасы [137, 102. ص. 4, 3]. В 1513 г. султан распорядился о строительстве новых фонтанов в Каире [289–288. ص. 4, 3].

Султан Кансух аль-Гури поощрял перевод и переписку книг и прославился как основатель первой при мамлюкском дворе мастерской по иллюстрации рукописей [2, p. 33]. Известны два прозаических произведения самого аль-Гури². Египетский ученый доктор 'Абд-аль-Ваххаб 'Аззам посвятил этим сочинениям специальное исследование, которое было впервые опубликовано в 1941 г. [4]. Поэтический ответ Кансуха аль-Гури на посвященный ему панегирик приводит в своем биографическом словаре Наджм-ад-Дин аль-Гази [112–111. ص. 11].

Рукопись стихотворений аль-Гури из Датской Королевской библиотеки плохо сохранилась, многие фрагменты текста не читаются. Ни имя переписчика, ни дата переписки не установлены. Сорок листов (по девять строк на странице) заключены в европейский картонный переплет с корешком и уголками из светло-коричневой кожи [12]. Этот новый переплет рукопись получила, по-видимому, уже в Дании. На корешке сохранились золотая монограмма «CRVIII»³ и надпись: «Roëmata Sultani Kânszuh el-Gauri». Текст полностью огласован, почерк — отчетливый насх, черные чернила, заголовки выписаны золотом, иногда — красными чернилами. Заглавие предпоследнего стихотворения не вписано.

В сборник вошли в основном стихотворения религиозного содержания. В каждом из них упомянуто имя султана, который представлен благочестивым мусульманином и набожным правителем, в некоторых бейтах использованы характерные для суфийской поэзии образы:

1. Владение — Твое. И паства вся — Твои рабы, Ты ими правишь.
Бедняк Твой Гури Тебе вверяет власть свою над ними...

[12, л. 2a].

2. Аль-Гури просит помощи у Господа во всяком деле.
Он царство получил, но лишь рабом остался
Всевышнего, Всеславного Владыки

[12, л. 3a].

² «الكوكب الدرى في مسائل الغورى»; «نفائس المجالس السلطانية».

³ Датский король Кристиан VIII правил с 1839 по 1848 г.

3. Позаботься о них...
И рабе Твоем Гури. Пусть взором Твоим осветится душа
[12, л. 3аа].
4. Аль-'Ашраф Гури навел порядок в войске,
Повиновеньем их — султан
[12, л. 56].
5. Быть может аль-Гури увидит Божественный Свет,
Он царства и трона желанней
[12, л. 66].
6. Душа аль-Гури пьяна тем сладостным напитком,
Который наслаждение дает...
[12, л. 9а, 96].
7. На троне царства своего свидетельствовал Гури,
Что Свет превыше царства
[12, л. 116].
8. Поэзия Гури украшена смыслом — запомнят ее.
Сколь многие были искусны подобно ему в сочинительстве —
ныне забыты
[12, л. 136].
9. Раб Твой аль-Гури слаб,
Грехами сердце истощилось,
Прощенья просит у Тебя,
О Милостивый Бог!
[12, л. 14а, 146].
10. Раб Твой аль-Гури
Совсем не жесток:
Слезы немедля текут,
Трепет внушает Бог
[12, л. 15а].
11. Ждет милосердия Гури
От Того, Кто дает благодать.
От злейшего в тварях Господних
Просит его ограждать
[12, л. 16а].
12. Гури, Твой раб, покорен,
К судьбе своей устремлен
[12, л. 166].
13. Раб Твой грешный аль-Гури
Прощения просит
[12, л. 17а].
14. Гури прощения просит
У Всемогущего Бога
[12, л. 18а].
15. Его желанье Гури исполняет,
Его благодарит, Ему хвалу возносит
[12, л. 186].

16. Ты — Кто прощает ошибки,
 Гури — Твой преданный раб
[12, л. 19а].
17. Гури, раб Его молящий
 О всякой радости,
 Приюта ищет...
[12, л. 20а].
18. Лишь Бог аль-Гури нужен,
 Суду Его послушен,
 Он Божьей воле внемлет,
 У врат Его стоит
[12, л. 20б].
19. Аль-Гури — раб, который совершал ошибки...
 Прими молитву от Него
[12, л. 21б].
20. Гури, раб твой молящий,
 Столь многое получил от Тебя
[12, л. 21аа].
21. Аль-Гури Господа благодарит
 И языком, и сердцем,
 Боится он греха,
 Защиты ищет он в прощеньи Божьем
[12, л. 21аб].
22. Аль-Гури быть очищенным надеется от пятен,
 И Милосердного он о прощеньи молит...
[12, л. 22б].
23. Когда придет черед,
 Защити раба Твоего аль-Гури
 От несправедливости...
[12, л. 24а].
24. Гури искренен в любви,
 Он с ними заодно. Они —
 На Бога уповают. И среди рабов Его
 Могущественней нет никого
[12, л. 24б].
25. На милосердие надеется аль-Гури
 И просит он защиты...
[12, л. 25а].
26. Раб Его Гури —
 Тот, кто искренен в благодарности...
[12, л. 26а].
27. Гури уповает на прощенье.
 Защити, Господи, его на верном пути.
[12, л. 27а].
28. Гури раб Твой трепещет,
 Оставил грехи свои в прошлом...
[12, л. 27б].

29. Надеется аль-Гури раб Его,
Что будет им доволен Господин
[12, л. 27аб].
30. Раб Твой Гури кается,
От грехов своих возвращается...
[12, л. 28а].
31. Прямым путем веди раба аль-Гури,
Даруй ему Божественную благосклонность
[12, л. 28аа].
32. Тому, Кто все свершит
И в этой жизни, и в другой,
Вверяет дело Гури —
Послушен Божьему суду
[12, л. 28аб].
33. Удали грехи от раба Твоего аль-Гури,
Когда он придет к Тебе...
[12, л. 29а].
34. О Боже! Говорит аль-Гури...
[12, л. 30а].
35. О Снисходительный! Раб Твой аль-Гури просит
Сновиденье ему ниспослать
[12, л. 31а].
36. Я, аль-Гури, — раб,
Послушен и прошу прощенья
[12, л. 32а].
37. Свидетельствует Гури, раб Твой,
Что Он — Единственный...
[12, л. 32б].
38. Аль-Гури искренен в любви
И в помыслах своих, и в сердце
[12, л. 33а].
39. Надеется аль-Гури,
Что будет принято все то,
Что совершил.
Он искренен пред Богом
[12, л. 34а].
40. Я, Ашраф Гури, — раб,
И Господа рабов прошу судьбу свершить
[12, л. 35а].
41. О Великодушный! Ты дал мне
Службу Дому и Святому месту
И царство поручил...
...Аль-Гури,
Будь для него Помощником
[12, л. 35б].
42. О Господин рабов! Твой раб аль-Гури
Стремится в лучшую из стран,
К Заступнику, когда наступит срок...
[12, л. 37а].

Аль-Гури, смиренный мусульманин, правитель, все помыслы которого обращены к Всевышнему, а все дела — на благо подданных. Таков осевой образ поэтического сборника, иногда едва заметная, но прочная нить, связывающая все стихотворения воедино. Обращение к суфийской тематике, по-видимому, отражает значимую роль суфизма в мамлюкском сообществе. Мамлюки были основателями многочисленных *ханака* (странноприимных домов для суфиев) и часто сами назначали руководителей этих учреждений. Иногда в них располагались *рибаты* (в данном случае специальные помещения, «казармы») для солдат, которые здесь же проходили обучение, как например в *ханаке*, основанной султаном Бейбарсом II (1309–1309). Сам аль-Гури оказал покровительство Ибрахиму Гюльшени (ум. в 1534 г.), основателю первой *завийи* (суфийской обители) *халватийя*. Перед решающей битвой с османами на равнине Мардж Дабик в 1516 г. Кансух аль-Гури объехал свои войска в сопровождении дервишей и глав орденов *бадавийя*, *кадирийя* и *рифа'ийя* [13, с. 28–29, 71, 196, 240].

О войнах султана, его мамлюках говорится в первых стихотворениях сборника:

Соедини сердца солдат моих все вместе.
Пусть будут цели их и ясны и чисты.
Тех, кто обман задумал против нас,
Сгуби и уничтожь.
И укрепи того, душа которого
Тверда, правдива, мужества полна.
Мне власть над ними сохрани,
Они — опора государства и его защита.
Укрой заботой их, даруй им счастье
Ранг возвысить свой.
В особенности тем, на ком стоит держава.
Что есть они — пред вечности лицом — благое дело.

[12, л. 3аа].

Послушно войско нам. Соединилось,
Собралось в едином верном сердце.
Мы любим их как сыновей.
Пусть сохранит их Бог, единства не нарушив.
Душа полна любовью к ним,
Пусть Бог их вместе соберет на радость.
Для нас они все — братья,
Стеной стоят на страже государства,
Ему на пользу силы отдают.
Победоносна армия, в ней
Каждый предан нам кавалерист.
Сомненья нет в них

[12, л. 4а].

И каждый старший в войске — как отец, а средний — брат,
Младые же для нас — как сыновья

[12, л. 4б].

В приведенных выше строках перечислены по сути базовые характеристики мамлюкского сообщества, наличие которых было необходимым условием сохранения политической власти и военных побед. Чем дальше отступали мамлюки от этого идеала, тем опаснее становились смуты, а султан мог потерять и трон, и собственную жизнь.

Отсутствие единства в армии и предательство подкупленного османами командира стали одной из причин поражения мамлюков на Дабикском поле и гибели Кансуха аль-Гури.

Стихотворения рукописного сборника Датской Королевской библиотеки представляют собой редкий образец поэтического творчества мамлюков. Официальный «декларативный» характер написанных в традиционных размерах касыд и строфической поэзии *мувашишах* позволяет рассматривать *Диван Кансуха аль-Гури* как важный источник для изучения культуры и идеологии мамлюков.

Литература

1. *Diwan al-Sultan al-Ghauri*. Dirasa wa tahqiq Sha'ban Muhammad Marsa. Al-Kahira: Majallat ma'had al-mahtutat al-'arabija, 1981. 178 s.
دوان السلطان الغوري. دراسة و تحقيق شعبان محمد مرسى. القاهرة, 1981. 178 ص.
2. *Hamzah Kh*. Late Mamluk patronage: Qansuh al-Ghuri's waqf and his foundation in Cairo. Florida: Universal-Publishers Boca Raton, 2009. 152 p.
3. *Ibn Iyas, Muhammad b. 'Ahmad al-Hanafi. Bada'i' al-Zuhur fi Waqa' i' al-Duhur*. Al-J. 4. Istanbul: Matba'at al-Dawla, 1931. 502 s.
محمد بن احمد بن ايباس الحنفى. بدائع الزهور في وقائع الدهور. الجزء الرابع. استانبول, 1931. 502 ص.
4. 'Azzam, 'Abd al-Wahhab. *Majalis al-Sultan al-Ghawri*. Cairo: Matba'at lajnat al-ta'lif wa-l-tarjima wa-l-nashr, 1941. 101 s.
عبد الوهاب عزام. مجالس السلطان الغوري: صفحات من تاريخ مصر في القرن العاشر الهجري. القاهرة, 1941. 101 ص.
5. Хрестоматия по истории халифата / сост. и пер. Л. И. Надирадзе. М.: Изд-во МГУ, 1968. 252 с.
6. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман*. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х. И. Кильберг. М.: Наука, 1978. 498 с.
7. *Зеленев Е. И.* Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 373 с.
8. История Востока: в 5 т. М.: Вост. лит. РАН, 2009. Т. 2. Восток в средние века. 716 с.
9. *Petry C. F.* Protectors or Praetorians? The Last Mamluk Sultans and Egypt's Waning as a Great Power. Albany: State University of New York Press, 1994. 280 p.
10. *Muhammad 'Ahmad Dahman*. Mu'jam al-Alfaz al-Tarikhiya fi al-'Asr al-Mamluki. Beirut: Dar al-fikr al-mu'asir, 1990. 160 s.
محمد احمد دهمان. معجم الالفاظ التاريخية في العصر المملوكي. بيروت, 1990. 160 ص.
11. *Najm al-Din al-Ghazzi*. Al-Kawakib al-sa'ira bi-a'yan al-mi'a al-'ashira. Beirut: Dar al-afak al-djadida, 1979. 942 s.
نجم الدين الغزي. محمد بن محمد. الكواكب السائرة بأعيان المئة العاشرة. بيروت, 1979. 942 ص.
12. Cod. Arab. 280. Codices Arabici. Det Kongelige Bibliotek. Copenhagen.
13. *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. М.: Наука, 1989. 328 с.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.